

ОТРОЧЕСТВО ШЕХТЕЛЯ

Андрей Мушта

*Посвящается внучке зодчего —
Марине Сергеевне Лазаревой-Шехтель*

Выдающийся архитектор Федор Осипович Шехтель (1859–1921) родился в Петербурге. Свои лучшие здания он построил в Москве, став истинно московским мастером архитектуры. А годы его детства и юности связаны с Саратовом, где будущий зодчий получил первые художественные впечатления, повлиявшие на весь характер его творческих исканий.

Будущий зодчий происходил из богатой купеческой семьи, первоначально проживавшей в немецкой колонии Саратовской губернии. С 1820-х годов Шехтели обосновались в Саратове. Свои торговые дела Шехтели вели широко и успешно, продавая и покупая всевозможные товары. Они торговали вином, шорными, галантерейными и мануфактурными товарами, золотыми и серебряными вещами, саратовским табаком (в городе в 1828 году была открыта первая в России табачная фабрика), продукцией собственной ткацкой фабрики, обоями и даже художественными произведениями из алебаstra и картинами — в Москве, Петербурге, на Нижегородской ярмарке, в Красноярске и Енисейске. В 1841 году они стали пай-

щиками «Компании саратовских купцов Степана Калашникова с товарищами на производство золотого промысла в Сибири». В Саратове им принадлежало несколько магазинов, три домовладения, лучшая в городе гостиница — «Номера Шехтель», ткацкая фабрика и крахмальный завод. Шехтели пользовались большим уважением в городе и были приняты в лучших аристократических домах. Им покровительствовал саратовский губернатор И.М.Бибиков.

В середине 1840-х годов отец будущего архитектора Осип Осипович Шехтель был послан в Петербург, где окончил Технологический институт, после чего продолжал жить в столице. В 1855 году он женился на Дарье Карловне

Наиболее ранняя из известных фотографий Шехтеля
*Слева направо: Мария, Франц (Федор), Дарья Карловна и Осип Шехтели
Около 1880 года*

(Розалии Доротее) Гетлих, происходившей из петербургской купеческой семьи. В Петербурге 26 июля родился Федор (Франц Альберт) Шехтель. Здесь же родились его брат Осип (1858) и сестры Александра (1860), Юлия (1862) и Мария (1863).

В Саратове примечательной личностью считался дядя зодчего — купец 1-й гильдии Франц Осипович Шехтель*.

Франц Осипович был одним из организаторов первого в городе литературно-музыкального кружка просвещенного купечества — Немецкого танцевального клуба. Его подпись стоит пятой под уставом «Коммерческого клуба», сыгравшего заметную роль в культурной жизни Саратова.

В мае — июне 1859 года, в течение двух недель, Франц Осипович Шехтель построил в принадлежавшем ему загородном саду деревянный открытый театр с партером и ложами. Впоследствии театр не раз горел и перестраивался, менялся и облик устроенного Шехтелем увеселительного сада. В настоящее время на месте сада разбит сквер, в котором стоит современное здание Драматического академического театра, ведущего свое начало от маленького театра Шехтеля.

С 1862 по 1875 год почти каждое лето в загородном театре Шехтеля гастролировала труппа замечательного актера и режиссера П.М.Медведева. В июне 1864 года с этой труппой выступал выдающийся негринский трагик Айра Олдридж. Год спустя здесь труппой К.Ф.Берга была сыграна «Гроза» Островского. Сам автор принимал участие в постановке и присутствовал на премьере. В конце мая 1866 года труппа итальянских певцов дала 11 или 12 оперных спектаклей. На сцене летнего театра началась артистическая карьера выдающихся русских актеров М.Г.Савиной, А.П.Ленского,

В.Н.Давыдова, К.А.Варламова, П.А.Стрепетовой, В.Н.Андреева-Бурлака, М.П.Петипа, С.Р.Шумского. «Рассадником национальной культуры» назвал театр в день его 60-летнего юбилея К.С.Станиславский.

Осенью 1859 года Ф.О.Шехтель устроил в доме на Московской улице, принадлежавшем братьям Антону, Ивану и Алоизию Шехтелям, небольшой театральный зал со сценой. Сюда с наступлением холодов перешла труппа Городского театра. Позднее в зале этого дома выступали многие из приезжавших в Саратов артистов. Здесь в 1872 году дебютировали саратовцы Дмитрий, Аким и Петр Никитины — будущие основатели русского национального цирка.

Переезд Осипа Осиповича Шехтеля с семьей на постоянное место жительства в Саратов случился, видимо, в течение 1865 года, когда будущему зодчему было шесть лет.

Возможно, на переезде Осипа настоял его старший брат. Сам он тяжело заболел, а других братьев — Антона, Ивана и Алоиза (Алоизия) Шехтелей уже не было в живых. Вероятно, хозяйство братьев требовало постоянного внимания, а инженер-технолог Осип Шехтель мог правильно управлять принадлежавшей братьям ткацкой фабрикой. Кроме того, осенью 1865 года должен был открыться в Саратове каменный Городской театр, и Франц Осипович опасался потерять зрителей в своем загородном театре. Спасти положение могло только одно — взять театральную антрепризу в городе в свои руки. Прежних сил и энергии у него в это время уже не было, и он рассчитывал на участие в деле младшего брата Осипа.

Осенью 1865 года городская дума передала антрепризу сроком на пять лет петербургскому купцу инженеру-технологу Осипу Осиповичу Шехтелю, предложившему, по сравнению со своими конкурентами, наиболее выгодные для города условия. Не последнюю роль здесь сыграли известность его брата на теа-

тральном поприще и мнение гласного городской думы и самого активного члена Театрального комитета Тимофея Ефимовича Жегина, женатого на дочери старшего Шехтеля, Екатерины Францевне. По договору с думой театр был сдан Осипу Шехтелю с 1 ноября 1865 года по 1 мая 1870 года. На этот же срок сдала ему загородный летний театр официально владевшая им Анна Ивановна Шехтель — жена Франца Осиповича.

Несмотря на неопытность антрепренера и краткий срок его деятельности (с ноября 1865 по февраль 1867 года), антреприза О.О.Шехтеля стала ярким и значительным явлением в культурной жизни города.

Театральные представления устраивались и в частном доме Шехтелей на Московской улице. Здесь, судя по газетным объявлениям того времени, юный Федор мог видеть выступления «первых танцовщиц Императорского театра в Пеште и Королевского театра в Берлине». Химик из Бреславля А.Гогендорф показывал здесь «чудеса микроскопического мира посредством большого газового микроскопа», некий Э.Пенью из Парижа — «механические художественные картины», а профессор Кроссо — «Опτικο-физическо-агиоскопическое представление, увенчанное золотой медалью на всемирной выставке в Лондоне в 1862 году».

К 1866 году Федор Шехтель уже достиг такого возраста, когда детей в культурных семьях принято было знакомить с театром. Федор Шехтель с детских лет знал и любил театр. В Городском театре юный Шехтель мог видеть и роскошно поставленные исторические драмы, и полные незатейливости юмора веселые водевили, неизменно вызывавшие восторг у саратовской публики.

С поздней весны до первых холодов был открыт для горожан увеселительный сад «Шехтель». Здесь, помимо летнего театра, предприимчивым дядей зодчего были устроены беседки для питья искусственных минеральных вод, буфеты,

* Зодчий, который был со своим дядей тезкой, в тексте везде назван Федором.

Обошняк К.К. Рейнеке
Фотография 1912 года

бильярдная, помещение для известной на весь город «музыкальной машины о 34 валах», эстрады, на которых в перерывах между представлениями играли сразу два духовых оркестра — военный и театральный. Сад был украшен транспарантами, вечером загоралась иллюминация, устраивались «великолепные бриллиантовые китайские фейерверки». Посетителей привозили из города и увозили обратно принадлежавшие Ф.О.Шехтелю «омнибусы». Вместе с труппой Городского театра здесь выступали оперные певцы и цирковые артисты, демонстрировались всякого рода «опыты», и даже запускался «аэроэстетический шар». Здесь часто устраивались маскарады и летние народные гулянья. Словом, сад «Шехтель» был излюбленным местом отдыха самых широких слоев населения Саратова. Именно таким он вошел в сознание юного Федора Шехтеля, на долгие годы определив его интересы и пристрастия.

Смерть О.О.Шехтеля явилась неожиданностью для всех, и прежде всего для его семьи. В феврале 1867 года он простудился в театре и в конце месяца скончался. Столь же неожиданными оказались события, последовавшие за его смертью. Поначалу Франц Осипович взял на себя антрепризу брата и заботу о его семье. Но и он два месяца спустя умер, оставив после себя «в наследство» запутанные торговые дела и огромные долги. Его вдова, Анна Ивановна, срочно сбывла с рук движимую часть имущества, а также записанный на нее загородный сад с театром, который 2 июля 1867 года был продан доверенным лицом А.И.Шехтель — Т.Е.Жегиным — французской подданной Аделаиде Сервье. После этого Анна Ивановна предусмотрительно выехала на время в Москву, отказавшись как от наследства (оставлявшего одни долги), так и от опекуна. «Шехтели лишились всего своего состояния от неудачного предприятия: они вздумали добывать в Си-

бири золото, почему один из братьев поселился в Красноярске, — свидетельствовали современники. — На приисках Шехтели потратили весь свой капитал и влезли в большие долги. Дома их продали с аукциона».

Как вспоминал зодчий, «материальное положение в семье было настолько тяжелое (детей было 7 человек), что двух младших сыновей после смерти Осипа Осиповича отдали чужим людям, их усыновили и увезли в Петербург». И в самом деле, младший (шестой по счету) сын О.О.Шехтеля Виктор-Иоанн, родившийся в 1866 году в Саратове, два года спустя был отдан Дарьей Карловной в семью проживавшего в столице статского советника К.Ф.Дейча, фамилию которого он впоследствии принял. Остальные дети продолжали жить вместе с матерью в описанном за долги Ф.О.Шехтеля доме на Московской улице (современный адрес — ул. Московская, 14).

Для обучения своих детей грамоте Д.К.Шехтель сначала

приглашала домашних учителей. Потом это стало тоже обременительным. В марте 1868 года в прошении, направленном в Сиротский суд, мать будущего зодчего писала: «Малолетние мои дети находятся в бедственном положении без необходимого по их званию образования и экипировки, а возраст некоторых моих детей требует уже обучения. Между тем я, как неимевшая после смерти мужа моего к тому средств, желала бы для пользы детей по обязанности матери поместить их в какое-либо казенное учебное заведение».

Десятилетний Осип был вскоре определен в Мариинскую земледельческую школу в Николаевском городке (ныне Октябрьский городок Татищевского района Саратовской области). А младшие дети, в том числе и Федор, продолжали обучаться дома. Осип Шехтель после окончания школы приписался к саратовскому мещанскому сословию и жил в Саратове по крайней мере до 1895 года.

В эти годы материальное положение семьи Федора Шехтеля было исключительно тяжелым. Деньги, полученные Д.К.Шехтель от продажи театрального реквизита мужа, постепенно кончились, других средств у нее не было, а два домовладения, которые унаследовали дети О.О.Шехтеля, не давали никаких доходов и не подлежали продаже до окончания судебного разбирательства по делам его брата, длившегося практически до 1880 года.

Дело осложнялось еще острой неприязнью, возникшей между вдовами братьев Шехтелей — Дарьей Карловной и Анной Ивановной. Суть конфликта заключалась в том, что предприимчивый Ф.О.Шехтель сумел под принадлежавшую братьям недвижимую собственность занять значительные суммы, которые отошли к его жене. После смерти братьев А.И.Шехтель сохранила за собой значительное состояние, перейдя жить в семью своего зятя, купца Т.Е.Жегина.

Тимофей Ефимович Жегин выделялся среди саратовского купечества своей кипучей энергией, образованностью, любовью к искусству и независимыми взглядами. Часто бывая за границей по торговым делам, он привозил оттуда запрещенную литературу, возможно, встречался с Герценом. Имя Жегина, как неблагонадежного лица, не раз упоминалось в доносах, которые посылались из Саратова в III отделение. Он был одним из самых активных членов либерально-демократического кружка Н.А.Мордвинова.

Как и его близкие приятели, коллекционер А.Д.Медынцев и основатель знаменитой галереи П.М.Третьяков, Тимофей Ефимович собирал картины. В своем городе он был известен как взяты театральный и непрменный помощник в организации благотворительных вечеров и концертов. Много времени отдавал Жегин общественной работе в качестве гласного городской думы, члена Театрального комитета и попечителя множества обществ и учебных заведений.

Тимофей Ефимович, отзывчивый к нуждам даже незнакомых ему людей, не мог остаться безучастным к бедственному положению семьи покойного О.О.Шехтеля.

Решение, в какой-то степени устраивавшее судившихся Дарью Карловну и Анну Ивановну, им было найдено. В сентябре 1871 года мать будущего зодчего, возможно, со старшей дочерью Александрой, уезжает в Москву, где устраивается экономкой в семью П.И.Третьякова по рекомендации жены Тимофея Ефимовича — Е.Ф.Жегинной.

Семья Жегиных, у которых в то время уже жили оставшиеся сиротами дочери Алоиза Шехтеля, взяли на себя заботу о воспитании оставшихся в Саратове детях Осипа Осиповича. Жегины, вероятно, в 1872 году внесли плату за обучение Федора и двух его сестер более 600 рублей. Их мать, не имевшая денег даже на проезд до Москвы и находившая для себя выгодной службой за 15 рублей в ме-

сяц, конечно, не смогла бы уплатить такой суммы.

По настоянию Т.Е.Жегина сестры будущего архитектора были помещены в лучшее учебное заведение города — Саратовский Мариинский институт благородных девиц. Юлия Шехтель, будучи воспитанницей института, скончалась в 1876 году «по слабости здоровья», а Мария окончила его в 1878 году.

Надо отметить, что семья Жегина была представлена исключительно особами женского пола — шестью дочерьми, одна из которых умерла в детстве, женой, тещей и дочерьми Алоиза Шехтеля, опекуном над детьми которого состоял Т.Е.Жегин. Быть может, юный Федор в чем-то заменил Тимофею Ефимовичу единственного, рано умершего сына Тимофея, одногодка Шехтеля; второй сын Тимофея Ефимовича, Николай, родился неделю спустя после скоростной смерти отца. Много позднее, в 1887 году, младшая дочь Жегина Наталья стала женой архитектора Федора Шехтеля...

В начале 1870-х годов в городе существовало только одно учебное заведение, дававшее среднее образование — Саратовская мужская гимназия. В нее и был определен Федор Шехтель.

Считалось, что Саратовская гимназия давала достаточно высокий уровень знаний, и ее выпускники без экзаменов принимались в Казанский университет. В стенах гимназии преподавал в 1851–1853 годах великий русский революционер-демократ Н.Г.Чернышевский. Здесь учились выдающиеся люди своего времени: поэт Э.И.Губер, химик Н.Н.Зинин, врач Г.А.Захарьин, эпидемиолог Г.Н.Минх, ботаник С.Г.Навашин, электротехник П.Н.Яблочков, фактический создатель русского театра оперетты М.В.Лентовский. После сдачи вступительного экзамена осенью 1871 года Шехтель был зачислен во второй гимназический класс.

Дом Шехтелей на Б.Сергиевской улице

Это здание, единственное из обширной недвижимости Шехтелей в Саратове, было передано наследникам Осипа Шехтеля только в 1880 году (судебное разбирательство длилось с 1867 года)

Общий вид домов Шехтелей на Московской улице (3 здания)

В левом здании (до перестройки) находились «Номера Шехтель» — лучшая по тому времени гостиница, в центральном — винный магазин (здание имеет очень глубокий подвал — «винный погреб Шехтелей») В правом здании Шехтели жили, здесь же, во втором этаже, находился крошечный зал, где давались представления

Среди своих сверстников юный Шехтель не выделялся особенными успехами в учебе, и в первый год его пребывания в гимназии имел следующие годовые баллы: чистописание и поведение — 4, св. история, русская грамматика, общая география и немецкий язык — 3. За недостаточные знания по латинскому языку и арифметике Шехтель был оставлен во

втором классе для повторного обучения, что было в то время обычным явлением. Обращает на себя внимание сравнительно высокая оценка по чистописанию, а на деле еще и по рисованию с черчением. Эти дисциплины преподавал выпускник Академии художеств Андрей Сергеевич Годин, у которого в 1865–1867 годах учился «технике рисования с натуры»

живший в Саратове юный Врубель.

Следующий учебный год прошел для Федора Шехтеля более успешно. Годовые оценки были следующими: священная история — 5, русский язык — 4, арифметика, общая география, латинский и немецкий языки, а также поведение — 3. Шехтель был переведен в следующий класс, однако

больше его имя в документах гимназии не встречается. Скорее всего, смена места учебы была связана со скоростижной смертью Т.Е.Жегина осенью 1873 года. Федор Шехтель переводится в приготовительное училище при Тираспольской духовной семинарии, где учится последующие два года.

Католическая семинария была открыта в Саратове 11 февраля 1856 года и предназначалась для подготовки детей колонистов в священнослужители. Тираспольской она называлась по городу Тирасполю в Херсонской губернии, где первоначально предполагалось открыть центр новой католической епархии. Долгие годы считалось, что католический епископ, консистория и семинария находятся в Саратове временно. С 1867 года семинария размещалась в специально перестроенном для нее по проекту губернского архитектора К.В.Тидена большом двухэтажном здании (современный адрес — ул. Мичурина, 84). Учащиеся находились в стенах семинарии постоянно, для них были оборудованы дортуары, построена кухня, имелся большой сад для прогулок.

Семинария не пользовалась особым успехом у колонистов,

которые стремились дать обучению своих детей «практическое направление». Однако родители, не имевшие возможности оплачивать учебу в ремесленных училищах и частных школах, подобно Дарье Карловне, охотно отдавали детей в семинарию на казенное обеспечение. Обучение Шехтеля длилось там, по документам, с 26 августа 1873 по 20 июля 1875 года.

В том же году Е.Ф.Жегина с детьми навсегда перебирается в Москву. Вероятно, вместе с ними покинул Саратов и Федор Шехтель. По его воспоминаниям, он уехал из города «лет шестнадцати», то есть в 1875 году. Эту же дату называет в своих воспоминаниях Михаил Чехов.

Свидетельство об окончании училища при Тираспольской католической семинарии было выдано Шехтелю с большим опозданием, когда ему шел уже 22-й год. Позаботиться о получении свидетельства заставила жизнь. Осенью 1880 года «саратовский мещанин Ф.О.Шехтель» был вызван из Москвы на жеребьевку в Саратовское городское по воинской повинности присутствие. Лица, окончившие училище, имели определенные льготы при прохождении воинской службы. Об этом писал в одном

из писем сам Шехтель: «Это училище отвечает курсу прогимназии, свидетельством чего служит то, что ставится к отбытию воинской повинности по второму разряду».

Свидетельство об окончании приготовительного училища было получено Шехтелем 31 октября 1880 года. Две недели спустя, 14 ноября, в Присутствии им был получен документ, по которому он был «признан совершенно неспособным к воинской службе и навсегда освобожден от службы».

В дальнейшем большую роль в творческой судьбе Шехтеля сыграли личные связи Жегина, особенно его дружба с П.И.Третьяковым, принявшим на себя впоследствии заботу о воспитании будущего архитектора. Не прошло бесследно и знакомство с М.В.Лентовским, которое произошло через близкого товарища — актрису А.И.Шуберт, которая была сначала приятельницей, а потом и родственницей Жегиных.

Впоследствии Федор Осипович близко сходитя с людьми, которых мог считать своими земляками. Среди них выдающиеся художники так называемой «саратовской школы»

Обшияк К.К.Рейнеке
Современное фото

В.Э.Борисов-Мусатов, К.С.Петров-Водкин и А.Т.Матвеев, а также М.А.Врубель.

В 1860-е годы родители Врубеля и Шехтеля принадлежали к довольно небольшому кругу саратовской интеллигенции, имели общих знакомых. Мачеха художника, неплохая пианистка, не раз выступала в Городском театре на любительских вечерах, наконец, и Врубель, и Шехтель учились рисованию у одного человека — художника А.С.Година. Быть может, это помогло укрепить творческие контакты двух мастеров, длительно плодотворно сотрудничавших друг с другом.

В начале 1900-х годов, в пору своего наивысшего творческого подъема, Шехтель особенно сближается со своими земляками-саратовцами. В.Э.Борисов-Мусатов для построенного по проекту Шехтеля особняка Держинской в Москве выполнил серию эскизов панно: «Осенний вечер», «Зимняя сказка», «Сон божества» (все в ГТГ) и «Летняя мелодия» (бывшее собрание Т. Гельцер, Москва), которые считаются значительной вехой в творчестве художника. Сами панно, по воспоминаниям Федора Осиповича, «так и остались ненаписанными ввиду смерти Борисова-Мусатова». Украшением своей коллекции Шехтель считал картину художника «Гранатовое ожерелье» (эту работу Мусатова к его большой работе «Изумрудное ожерелье»), а также написанный саратовским художником Павлом Кузнецовым «Натюрморт».

Другой саратовец К.С. Петров-Водкин по заказу зодчего написал в усыпальницу Эрлангера на Введенских горах большой картон «Христос-сеятель». А.Т.Матвеевым на протяжении 1903 года были выполнены скульптурные портреты детей Шехтеля Льва и Веры. Сохранился портрет Л.Ф.Жегина-Шехтеля — так называемый «Портрет мальчика» (бывшее собрание В.Т.Зоной-Жегинной, г. Москва).

До сих пор считалось, что зодчий не спроектировал для города своего детства ни одного

здания. Между тем в центре Саратова есть особняк, весьма напоминающий лучшие московские сооружения Ф.О.Шехтеля, в особенности известный всем особняк С.П.Рябушинского у Никитских ворот. Это бывший особняк саратовского мукомола-миллионера К.К.Рейнеке.

Все помещения особняка сгруппированы вокруг лестничного холла, образуя в плане уравновешенную асимметричную композицию. При этом план второго этажа почти повторяет план первого, повернутый на 90 градусов по часовой стрелке. Этому спиралевидному движению пространств в интерьере соответствует двойной поворот дубовой парадной лестницы.

При всем своеобразии, планы особняков Рейнеке и Рябушинского имеют глубинное сходство, так как принцип построения внутреннего пространства восходит к единой композиционной схеме. Схож и основной элемент кованой ограды особняка Рейнеке — излюбленный зодчим мотив волны-спирали. Он использован Шехтелем в ограждении винтовой лестницы особняка Держинской, в обрамлении ворот в ограде церкви Троицы в Балаково. Форма дымохода над высокой печной трубой этой церкви почти без изменений повторена в навершиях столбов ограды особняка Рейнеке.

Но главное, что говорит о творческой причастности Шехтеля к особняку Рейнеке, — это целая симфония цветовых оттенков на фасадах: светло-желтых и пастельно-зеленых (глазурованный кирпич), перламутрово-розовых и фиолетово-голубых (майоликовые вставки над окнами, фриз и декоративные панно), золотистых (штукатурка) и нейтральных серых (гранитная облицовка).

Уличный фасад украшен двумя майоликовыми панно. Центральная часть композиции одного из них выполнена по мотивам композиции Ф.Штука «Танцовщицы», а растительный орнамент по краям этого панно повторяет майоликовую отделку построенного Шехтелем дома Шаронова в Таганроге. Вставки

над окнами уличного фасада и фриз дворового фасада облицованы перламутрово-розовой плиткой, имеющей специфически неравномерную окраску почти такой же плитки, из которой набран фриз магазина Строгановского училища в Москве.

Интерьеры особняка Рейнеке решены в духе «деловых» шехтелевских интерьеров 1900-х годов, напоминающих интерьеры Ярославского вокзала, МХАТа, особняка Держинской и других «шехтелевских» зданий. Отделка парадных помещений филанчатой дубовой панелью, геометрические формы встроенной мебели и майоликовых каминов, рационалистически трактованные деревянные лестницы (в особняке их три), строгий рисунок переплетов больших светонесущих окон, дверей с гранеными и зеркальными стеклами сочетаются с элементами криволинейных очертаний — выгнутыми вверх дубовыми нервюрами столовой, огромными арочными проемами между вестибюлем и холлом, светонесущим хрустальным куполом над тамбуром парадного входа, двумя большими овальными зеркалами в гостиной, размещенными на противоположных стенах и образующих бесконечный ряд отражений. Все эти приемы применялись Шехтелем еще в девяностые годы.

Владелец особняка К.К. Рейнеке принадлежал к семье саратовских мукомолов-миллионеров, увлекавшихся искусством. Его брат, Арнольд Кондратьевич Рейнеке, был создателем Русского драматического театра в Петербурге, который с момента открытия в 1908 году пьесой Островского «Снегурочка», сразу же стал заметным явлением в театральной жизни России. Кстати, А.К. Рейнеке имел с Шехтелем общих знакомых, например, А.И. Южина и Н.К.Рериха, артистов Малого театра, часто бывал в Москве, где мог заказать зодчему проект особняка.

Саратовский особняк, возможно, последняя яркая работа Шехтеля в стиле модерн, стоящая в ряду его лучших столичных достижений 1900-х годов.